

К ВОПРОСУ О КАРТОГРАФИРОВАНИИ ВАРИАНТОВ «БАЛЛАДЫ О МЕРТВОМ БРАТЕ»*

В статье делается опыт картографирования одного из элементов структуры текста «Баллады о мертвом брате» — объяснения, которое брат дает исходящему от него запаху (на материале 172 болгарских, македонских и албанских версий). С точки зрения этого мотива, взятого изолированно, выделяется ряд ареалов (которые пересекают соответствующие языковые границы): мотив «из-за работы в поле/на земле» распространен в основном в Македонии; «от растений» — в Македонии и Шоплуке; «из-за болезни» — в Албании, Косово, в одном из македонских сел албанской Преспы и в Охриде в Македонии. В Южной Албании и у арбэрешей Италии актуализируется не обоняние, а зрение: сестра не чувствует запах, а видит пыль/грязь на волосах/одежде брата. Лингвогеографический метод, применяемый системно, позволит уточнить вопрос о месте возникновения и путях распространения «Баллады...».

Abstract:

Makartsev Maxim M.

The article aims to put onto the map one of the elements of “The Dead Brother Song”, specifically the explanation the dead brother gives his sister when she asks him about his stench (the data is taken from 172 Bulgarian, Macedonian and Albanian versions). As to this motif, taken apart from the whole text structure, several areas can be drawn (which cross the respective linguistic borders): the motif “due to the work under the ground/in the field” is mainly found in Macedonia; “because of some plants” — in Macedonia and Šopluk region; “due to being sick” — in Albania, in Kosovo, in a Macedonian village in Albanian Prespa region and in Macedonian Ohrid. In Southern Albania and among the Arbëresh in Italy the sight is more relevant than the sense of smell: the sister does not feel the smell, but sees dust/mud covering the brother’s hair/clothes. The linguo-geographical method, when used systematically (e.g., when we superimpose on the same map the areas where different motifs are spread), will clarify the place of origin and the migration paths of the Ballad.

Настоящая статья продолжает серию работ, посвященных структуре текста «Баллады о мертвом брате». В начале кратко напомним ее содержание: «У матери 9 (чаще всего) сыновей и 1 дочь. Братья, или один из них, против воли матери отдают сестру замуж на

чужбину. Они обещают матери по первой ее просьбе привести сестру обратно. После ухода сестры все братья умирают от болезни или погибают на войне. Оставшись одна, мать требует у братьев исполнения обещания. Один из братьев (редко все) встает из могилы и идет за сестрой. На обратном пути сестра по некоторым признакам (одежда брата в пыли и плесени, он отказывается пить и есть) или по указанию птиц («мертвый ведет живую») прозревает или начинает подозревать правду, но брат разубеждает ее. Перед домом он оставляет сестру одну, а сам возвращается в могилу. Сестра стучит в дверь. Мать не узнает ее и не впускает. Сестре удается уговорить мать, та открывает дверь, выходит, они обнимаются и падают мертвыми или превращаются в птиц¹. В каталог Аарне-Томсона этот сюжет не вошел, но там есть похожий на него «Жених-мертвец»², известный в России в переводах и переложениях В. Жуковского (1808 — «Людмила»; 1808-1812 — «Светлана»; 1831 — «Ленора»).

Самое внушительное исследование «Баллады...» за почти двухвековую историю ее изучения принадлежит И. Шишманову. Его работа была промежуточным подведением итогов для дискуссии о том, какой сюжет считать исконным: «Мертвый жених» или «Приход мертвого брата», а также, какая из балканских версий «Баллады...» является первичной. И. Шишманов сформулировал ряд положений:

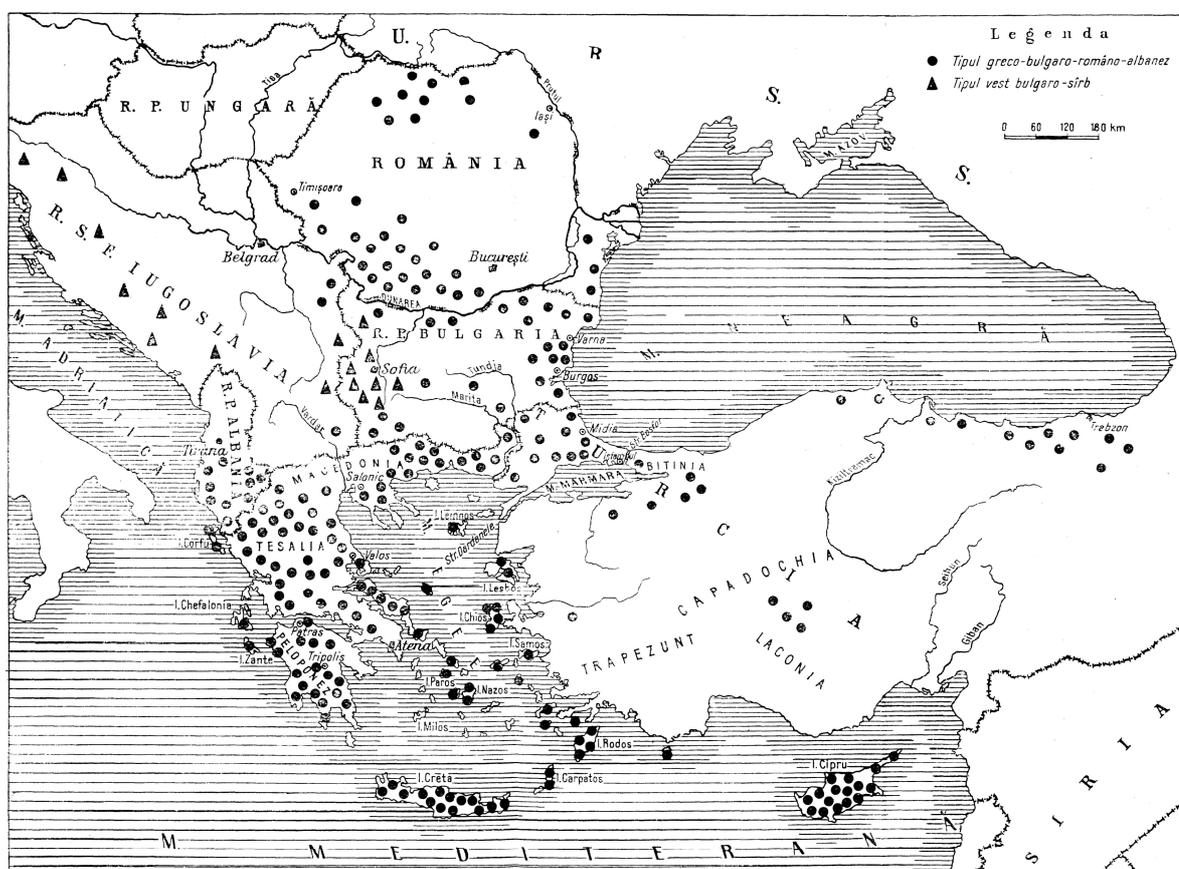
- а. «Баллада...» происходит из Малой Азии (район Вифинии), откуда она попала на Балканы двумя путями — через южные греческие колонии и через материковую Грецию.
- б. Албанская, арумынская и болгарская версии возникли на основе греческой.
- в. Болгарские и македонские версии имели два центра распространения: с юго-востока и с юго-запада.
- г. Из двух типов «Баллады...» на территории Болгарии один дал происхождение румынскому инварианту, а другой — сербско-хорватскому³.

В то же время, вопрос о том, какой сюжет считать исконным, остался открытым. Шишманов смог лишь констатировать, что на Балканах эти два сюжета, как правило, не пересекаются: сюжет «Приход мертвого брата» характерен для тех областей, где неизвестен «Жених-мертвец», и обратно⁴. Кроме того, на основании структурных особенностей сюжета И. Шишманов выделил два типа: в первом из них в центре сюжета находится образ матери (ей дается обещание привезти ее дочь домой; ее слезы/клятва/проклятие каузируют восстание мертвеца из гроба — это №№ 1-25 по изданию И. Шишманова 1898 г.); в текстах, относящихся ко второму типу, в центре

сюжета находится образ сестры (№№ 33–46). Есть также видоизмененные, смешанные (№№ 67–77) и переходные между двумя типами версии (№№ 26–32).

Если И. Шишманов классифицирует только балканославянские версии баллады (при том, что в его работе содержится большой материал и по албанским, балканороманским, греческим и сербским версиям), то Г. Врабе использует для этого весь доступный балканский материал. Он переформулирует типы, выделенные Шишмановым, по их ареальному распределению: 1) Греческо-албанско-румынский, распространенный также на большей части Северо-западной Болгарии и 2) Северо-западноболгарский и сербский.

Карта 1. Балканские версии «Баллады...»⁵

Calătoria fratelui mort.
(Harta nr. 3)

На наш взгляд, лингвогеографический метод можно применять к этой балладе гораздо более последовательно, не ограничиваясь только мотивом каузатора восстания брата из гроба. Комплексное описание «Баллады...» с применением лингвогеографического метода в перспективе позволит точнее определить место ее происхождения и пути распространения, а в настоящей статье представлен опыт картографирования одного из мотивов, который показывает преимущества лингвогеографического метода.

Отправной точкой для приложения этого метода к совокупности текстов является классическая работа А. Лорда «Сказитель»⁶, в которой этот американский исследователь показал на примере югославского эпоса, что народные песни хранятся в памяти не в виде раз и навсегда готовых текстов, но как схемы, которые каждый раз заполняются специальными формулами (число которых по определению избыточно, и необязательно, чтобы при акте *сказительства* все они были использованы в одной песне). Фактически здесь мы видим противопоставление, аналогичное оппозиции язык/речь: в сознании говорящего язык существует в виде системы, необходимые элементы которой используются при порождении речи. Это подводит к идее о том, что в некоторой мере ареальное существование языка и ареальное существование текстов на этом языке представляют собой две стороны единого феномена. Например, в современной этнолингвистике давно и активно используется аппарат диалектологии: создаются этнолингвистические карты, на которых изопраксы показывают границы распространения обрядов и их отдельных элементов. Эти изопраксы могут переступать границы между языками и народами, объединяя их в культурные союзы — аналоги языковых союзов. Совокупность текстов с географической привязкой дает материал для «текстовых диалектов» (по аналогии с языковыми диалектами и диалектами культурными), а линии, объединяющие пункты, где зарегистрированы одинаковые элементы, будут аналогами изоглосс/изопракс. Картографирование фольклорных текстов имеет традицию в трудах таких предтеч советской/российской этнолингвистики, как А.И. Никифоров⁷, П.Г. Богатырев⁸, В.М. Жирмунский⁹, Р.Р. Гельгардт¹⁰ и др. В 1986 г. в сборнике «Славянский и балканский фольклор» появилась серия материалов к полесскому этнографическому атласу, среди которых мы находим и опыт картографирования отдельных элементов полесской баллады о невестке-тополе, принадлежащий Н.И. Толстому¹¹. В 1999 г. вышла статья С.М. Толстой о балладе о самарянке в восточно- и западнославянской традиции, где каждому из элементов текста сопоставлен список пунктов¹². Фактически, эта статья стала малым фольклорным атласом баллады.

Эти работы представляют опыт картографирования текста, принадлежащего хотя и разным, но всё же находящимся в близком родстве традициям (а именно, славянским). Мы бы хотели показать, что эти методы работают и для текстов, которые распространены в ареалах языковых и культурных союзов. «Баллада о мертвом брате» дает нам прекрасный образец такого текста. Ее сюжет известен большинству народов, населяющих Балканский полуостров. В ставшей классической для современной фольклористики работе И. Шишманова «Песня о мертвом брате в поэзии балканских народов»¹³ анализируется 148 текстов со всего Балканского полуострова, в том числе 7 албанских, 4 арумунских, 77

болгарских (и македонских), 43 греческих, 5 румынских и 12 сербских и хорватских, а за 5 истекшее со времени этой публикации количество опубликованных версий значительно увеличилось. Для настоящего доклада материал был ограничен болгарской, македонской и албанской традициями (используется материал 49 албанских, 97 болгарских и 26 македонских текстов, всего 172 текста).

При том, что тексты эти имеют единую структуру, многие детали сюжета могут различаться (сестра может слышать в лесу птиц, лягушек или поющих пастухов; в коня может превращаться гроб, доски, носилки, надгробный камень, крест, саван, сама могила, ветер, воск или кусты около могилы¹⁴ и т.д.). Различаются и более важные компоненты: например, каузатор восстания брата из гроба, количество братьев, упоминание в тексте мужа сестры и пр.

Для эксперимента был выбран следующий фрагмент текста: объяснение запаха, который исходит от брата. Сестра чувствует запах земли (иногда дыма, плесени, гнили и под.), исходящий от брата, и спрашивает его, что случилось. Тогда он предлагает интерпретацию, на первый взгляд, никак не связанную с истинной причиной:

- он строил дома и работал в земле (копал подвалы);
 - в последнее время он живет в подвале;
 - был закован в колодки;
- работал в поле/на земле;
- был на войне и пропах пороховым дымом;
- пахнет старая/промокшая одежда;
 - пахнет пыль/грязь, которой он покрыт;
- брат болел, и поэтому так пахнет (пахнет лекарство, которое он принял);
- брат участвовал в обрядах (например был в церкви на службе);
- брат перебирал плесневелую пшеницу;
- в месте, которое они проезжают, такой запах;
 - пахнут растения.

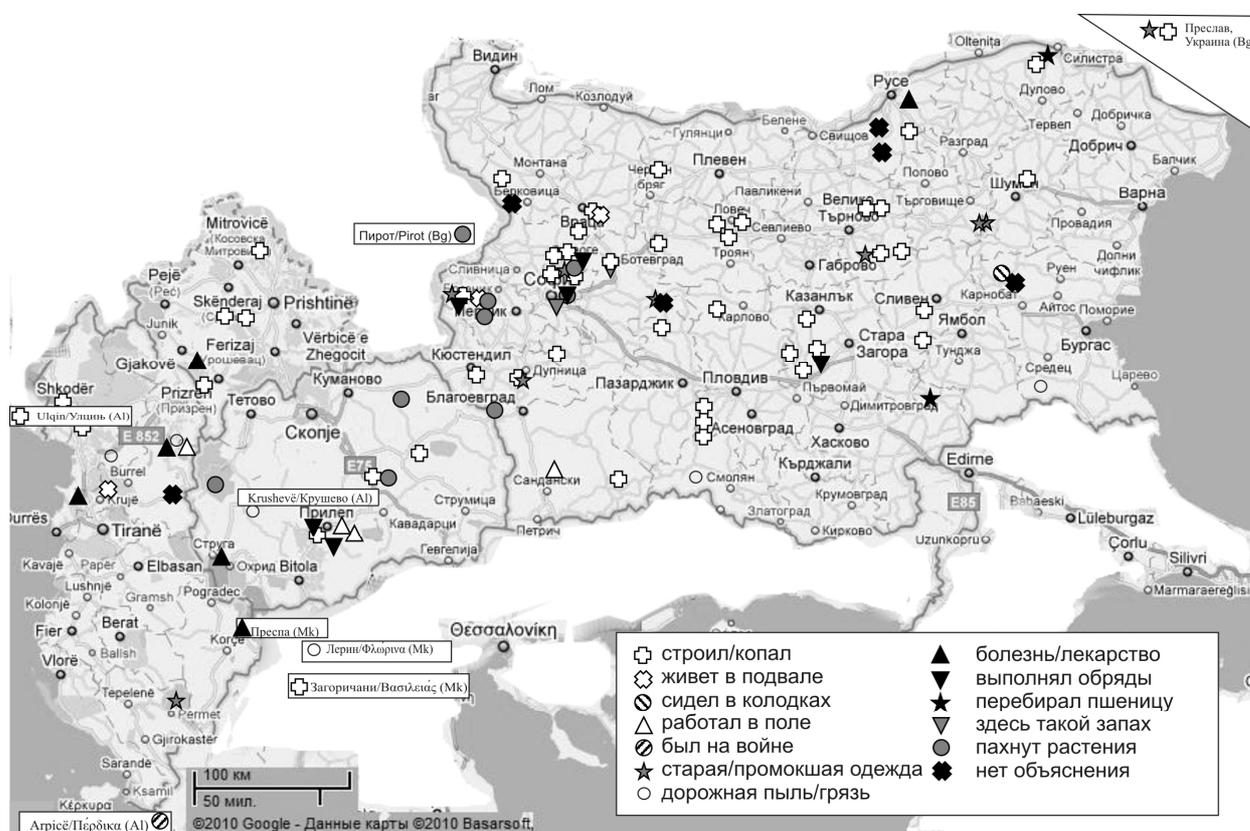
Впрочем, как несложно заметить, в большинстве случаев источник запаха со слов брата на самом деле подводит к истинной причине¹⁵. Работа в земле/на земле метонимически указывает на смерть; жизнь в подвале, содержание в колодках (т.е. в тюрьме) намекает на пребывание в могиле; ненасильственная смерть предвращается болезнью (а покойный может восприниматься как ритуально нечистый, «заразный»); церковная обрядность обычно актуализируется в наиболее важных вехах жизненного пути человека (в том числе и при смерти); перебирание плесневелой пшеницы указывает на

обряд пересыпания пшеницы (и других сыпучих тел, символизирующих изобилие) через пальцы усопшего, чтобы его *късмет* остался дома. О запахе растений в «Балладе...» см. в нашей статье¹⁶.

Прежде всего отметим, что фрагмент «сестра замечает запах» зарегистрирован не на всей территории распространения вариантов «Баллады...»: в Южной Албании и на арбэрешской территории сестра не чувствует запах, а видит пыль/грязь/плесень на волосах или плечах брата.

Описанные мотивы распадаются на известные во всём ареале и на известные только в некоторых регионах. Мотив строительства/копания — единственный, который встречается по всей территории, а все остальные локально ограничены.

Карта 2. Мотив «запах, исходящий от брата»¹⁷

Мотив «работа в поле/на земле» распространен в основном в Македонии (также один пункт в Пиринском крае), кроме того, он встречается в Албании (Влеша/Слова/Пешкопия на северо-востоке страны, рядом с македонской границей).

Мотив «запах от растений» распространен исключительно в Македонии и Шоплуке.

Мотив «дорожная пыль/грязь» встречается в таких удаленных друг от друга пунктах, как Малко-Тырново, Устово (Центральные Родопы, под Смолянском) в Болгарии; Лерин (македонский говор на территории Греции); Крушево (албанская версия); Флоштан

(рядом с Пешкопией, округ Дибры) и Рубик (округ Лежи) в Албании. Возможно, это 7 крайние точки ареала, основная часть которого находится на греческой территории. На албанской территории и у арбэрешей грязь/пыль/плесень покрывает волосы/плечи/одежду брата, и сестра обращает внимание на его внешний вид, а не на запах.

Мотив болезни распространен в Албании, в Ругове (на терр. Косова), встречается также в Преспе (зона македонских островных говоров в Албании и Греции) и Охриде, образуя таким образом ареал. Этот мотив распространен на албанской территории гораздо больше, захватывая в основном Северную Албанию и Косово, но там он связан не с запахом, исходящим от брата, а с тем, что тот отказывается от еды и питья. Достаточно удивительно, что мотив болезни (как причины запаха) встретился один раз и в Северной Болгарии (с. Червена Вода, Русенско). В этом селе живут переселенцы из Трявны и ее окрестностей, переехавшие сюда в середине XIX века. Впрочем, Трявна также не попадает в ареал болезни, так что пока у нас нет объяснения — если только не отнести этот мотив на счет проявления универсальной связи между болезнью и смертью.

То, что брат был на войне, предлагается как объяснение запаха только в одном пункте (албанская Арпица в Чамэрии на территории Греции), но упоминание войны, как мы уже сказали, распространено гораздо шире по албанской территории и у арбэрешей Италии (дым ружей как объяснение закопченных стен домов).

Кроме перечисленных, есть и другие мотивы, которые могут возникать в разных точках ареала. Во многом это связано с тем, что количество возможных объяснений запаха тлена, исходящего от брата, при всём своем разнообразии, ограничено. Скорее всего, это случайные совпадения. Однако более точно это можно будет сказать при анализе румынского, греческого и сербского материала, а также при картографировании остальных мотивов.

Доклад на международной научной конференции «История и культура славян в прошлом и настоящем» (23 декабря, Институт славяноведения РАН).

Опубликовано в: Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. / Узенева Е.С. (отв. ред.). М., 2011. С. 321-327.

Примечания

* Работа выполнена по теме проекта Программы ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика».

¹ Цивьян Т.В. Сюжет «Приход мертвого брата» в балканском фольклоре (к анализу сходных мотивов) // Труды по знаковым системам VI. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск

308.) Тарту, 1973. С. 85. Ср. изложение сюжета в: Шишманов И. Пѣсенъта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи, часть I // СбНУ XIII. София, 1896. С. 474; Burkhart D. Nachträge zum Lenoren-Motiv auf dem Balkan // 1er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications. I. Littérature. II. Folklore. Sofia, 26. VIII-1er IX 1966. Sofia, 1966. P. 113-114; Arapi F. Shënime rreth këngës së “Motrës dhe vëllait të vdekur” në traditën popullore shqiptare // F. Arapi. Këngë të moçme shqiptare. Tiranë, 2007. F. 12-13.

² «Невеста оплакивает убитого жениха; он является к ней и увозит ее в могилу ("Ленора")» — The types of the folktale. A classification and bibliography. A. Arne's Verzeichnis der Maerchentypen (FF Communications No. 3), translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961. № 365.

³ Шишманов И. Пѣсенъта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи, часть I // СбНУ XIII. София, 1896. С. 589-590

⁴ Там же. С. 594.

⁵ Vrabie Gh. Balada populară română. București, 1966. Harta # 3, p. 138

⁶ Lord A. The singer of tales. Cambridge (Mass.), 1960; русс. перевод.: Лорд А. Сказитель. Москва, 1994.

⁷ Никифоров А.И. К вопросу о картографировании сказки // Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ. Л., 1927. С. 60–70.

⁸ Богатырев П.Г. К вопросу об этнологической географии // Slavia. Praha, 1928-1929, ročn. 7. S. 600–611; Богатырев П.Г. Этнологическая география и синхронный метод // Pamietnik II. Zjazdu słowiańskich geografów i etografów w Polsce w r. 1927. Kraków, 1930. T. 2. S. 174–175.

⁹ Жирмунский В.М. Методика социальной географии: Диалектология и фольклор в свете географических исследований // Язык и литература. Л., 1932. Вып. 8. С. 83–119.

¹⁰ Гельгардт Р.Р. К вопросу о картографировании фольклора: Очерк первый // Советское краеведение, 1935, № 1. С. 8–15.

¹¹ Толстой Н.И. Материалы к Полесскому этнолингвистическому атласу. Опыт картографирования. Невестка стала в поле тополем // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. Москва, 1986. С. 39–43.

¹² Толстая С.М. Самарянка: баллада о грешной девушке в восточно- и западнославянской традиции // W zwierciadle języka i kultury / Pod red. J. Adamowskiego i S. Niebrzegowskiej. Lublin, 1999. S. 58–81.

¹³ Шишманов И. Пѣсенъта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи, часть I // СбНУ XIII. София, 1896. С. 474–570; Шишманов И. Пѣсенъта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи. Ч. II–III // СбНУ, XV. София, 1898. С. 449–600; 1–186.

¹⁴ Подробнее см. в Макарец М.М. От мертвого к живому: метаморфозы в балканской «Балладе о мертвом брате» // Топоровские чтения I-IV. Избранное. С. 188.

¹⁵ Кроме, разве что, указания на запах ружейного дыма.

¹⁶ Макарец М.М. Растительный код в «Балладе о мертвом брате» // Сборник статей по материалам круглого стола «Цветница. Dumînica floriilor. Ваукокорякѣ. Diela e lulevet... Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале» (в печати).

¹⁷ В качестве основы для привязки к местности использованы карты Google. Названия пунктов не обозначаются, если они находятся на территории соответствующего государства/региона (болгарские в Болгарии, македонские в Македонии, албанские в Албании и Косово); если они находятся на территории иных государств, то они обведены прямоугольником и указывается соответствующий индекс традиции (Bg, Mk или Al). Полный список доступных нам версий с библиографической информацией см. в Макарец М.М. Растительный код в «Балладе о мертвом брате»...